

«Грани русского раскола»

Александра Пыжикова

Раскол, разделивший в XVII в. Русскую Церковь и российское общество, безусловно, является одним из наиболее важных и вместе с тем болезненных и неоднозначных событий отечественной истории. Последствия его ощущаются на протяжении веков и по сей день до конца не изжиты. Поэтому интерес к нему и к возникшему в результате него старообрядчеству естественен и со временем будет, пожалуй, лишь возрастать. Ведь до сих пор и численность староверов, и их положение и роль в судьбе Российской империи вызывают оживлённые дискуссии. Откровенно дискуссионной (и в чём-то даже провокационной) является и книга доктора исторических наук, профессора Российского государственного гуманитарного университета Александра Владимировича Пыжикова «Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года»¹. Автор попытался охватить большое количество источников и исследований, освещающих «конфессиональное своеобразие» старообрядчества, «староверческую модель капитализма», взаимоотношения последователей старой веры с самодержавием, либеральной общественностью и революционерами и т.д. При этом исследователь не раз смело предлагает неожиданные трактовки как хорошо известных, так и мало изученных сюжетов и проблем истории России, начиная с XVIII в. и заканчивая революцией 1917 г.

В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук В.В. Керов (Российский университет дружбы народов) и Ф.А. Селезнев (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского), кандидаты исторических наук Ф.А. Гайда (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) и С.В. Куликов (Санкт-Петербургский институт истории РАН), а также Е.В. Мамонова (журнал «Российская история») и А.Н. Старицын (Институт российской истории РАН).

Александр Старицын: «Новые смыслы» старой истории

Книга профессора РГГУ А.В. Пыжикова состоит из пяти очерков, освещающих с различной степенью глубины отдельные «границы» истории староверия в Российской империи. Несмотря на указанные в заглавии широкие хронологические рамки исследования, автор практически ничего не пишет о XVII в., поверхностно касается XVIII столетия, а основное внимание уделяет рубежу XIX–XX вв.

Работая над книгой, Пыжиков, по его словам, стремился придать «новые смыслы» изучению старообрядчества (с. 6) и показать, что старообрядчество как маргинальное явление незаслуженно игнорируется учёными при анализе

¹ Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М.: Древлехранилище, 2013. 646 с.

ключевых событий русской истории. Пытаясь выяснить истинное влияние старообрядчества на судьбы империи, автор исходит из убеждения в том, что официальная статистика вовсе не отражала реальную численность староверческого населения России (с. 6). Однако в дальнейшем Пыжиков не даёт развернутого обоснования данного утверждения, ограничиваясь общими рассуждениями и сведениями о работе правительственных комиссий и экспедиций, собиравших в середине XIX в. данные о численности староверов (с. 34). Этот сюжет явно требует более тщательной проработки и, возможно, специального исследования². Но автор книги и не пытается ответить на все возникающие вопросы. Свою цель он видит прежде всего в том, чтобы убедить читателя в важности поиска ответов на них.

Говоря о церковной реформе XVII в., Пыжиков справедливо отмечает, что значительная часть населения не приняла «новшества», которые повсеместно внедряли светские и церковные власти (с. 103). Важное наблюдение сделано им относительно московских староверов, которые в 1771 г. не возвратились на прежнее место жительства в Лефортовско-Измайловской части, а всегда находились здесь и только легализовали своё положение, организовав Преображенское и Рогожское кладбища (с. 110). Ключом к пониманию новейшей истории России Пыжиков считает религиозное разобщение в русском обществе, возникшее в XVII в. и приведшее к существованию «в рамках одного государства двух чуждых враждебных социумов»: правящего класса и народа (с. 115–116). При этом автор произвольно причисляет к староверам всё недворянское население империи. Оказавшись в бесправном положении, староверы были вынуждены искать пути и способы выживания во враждебном мире. Опорой в устройстве их общественной и хозяйственной жизни стала община, основанная на коллективистском понимании собственности (тогда как экономические интересы дворянства, напротив, были тесно связаны с развитием частнособственнических отношений) (с. 118). Торгово-ремесленная деятельность позволила им легально укрепить свои позиции (с. 142). Таким образом, капитализм, по мнению Пыжикова, сформировался в России в рамках старообрядческой конфессиональной общности (с. 158). При этом в середине XIX в., как полагает автор, под давлением репрессий правительства Николая I купеческая верхушка староверов откололась от основной массы и попыталасьписаться в новые реалии экономического и политического пространства Российской империи. На первый план выдвинулись представители поповского согласия, обладавшего в отличие от беспоповского мощными организационными структурами, что отразилось на процессе концентрации производства (с. 207). Поток иностранных инвестиций в экономику России в конце XIX – начале XX в. создал угрозу интересам выросшего из староверческой среды купеческого сообщества (с центром в Москве), что заставило его встать в оппозицию к правительству, поддерживавшему зарубежный капитал (с. 340). Пыжиков пытается показать причастность московского купечества к борьбе с самодержавием и к распространению в обществе либерально-конституционных идей (с. 422). Подчёркивая соперничество московской и петербургской буржуазии, автор усматривает

² Вопрос о численности старообрядцев давно привлекает внимание исследователей, которые признают как несостоятельность официальной статистики, так и невозможность проверить данные независимых экспертов XIX в. Подробнее см.: *Ершова О.П.* Старообрядчество и власть. М., 1999. С. 83; *Керов В.В.* «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004. С. 20.

в нём гибельное для империи противостояние между дворянской и купеческой элитами страны (с. 639).

Общественный разлом, наступивший после реформы 1861 г., Пыжиков также связывает с конфессиональными причинами, а отмечаемый исследователями во второй половине XIX в. упадок религиозности крестьян и их неуважение к Церкви и священникам объясняет поголовной принадлежностью русской деревни к староверию. Столь категоричное утверждение представляется несколько надуманным и неубедительным, поскольку не подтверждается какими-либо статистическими подсчётами. Тем не менее нельзя не согласиться со словами автора о необходимости выяснения конфессионального состава русского крестьянства (с. 445). Опираясь на своё не вполне обоснованное представление о старообрядцах как самой многочисленной прослойке народных низов, Пыжиков пишет, что разочарование этих самых низов в действиях правительства толкнуло их в сторону левых идей и их выразителей – большевиков. При этом для подтверждения своей мысли он ссылается на литературные произведения советских авторов и использует сомнительные сопоставления филологического характера: большак – большевик и т.п. (с. 622, 625).

Сочинение Пыжикова вызывает двойственное чувство. С одной стороны, книга, хорошо и живо написанная, интригует с самого начала и держит в напряжении на протяжении всего чтения. Читатель, желающий знать «новую правду» русской истории, ждёт сенсационных открытий, опирающихся на неизвестные ранее исторические свидетельства. С другой стороны, настаивает некоторая легковесность суждений автора и его желание доказать во что бы то ни стало высказанные положения. Неприятно удивляет и устаревшее понимание термина «раскол», которым обозначается в книге не раскол Русской Церкви, а его следствие – весь старообрядческий мир, противостоящий официальному православию. «Раскольниками» противников церковных реформ стали называть ещё в XVII в. их гонители – представители духовных и светских властей. Несмотря на протесты староверов, это определение, выражавшее мнение только одной стороны, укоренилось в православной среде на бытовом уровне. В научные труды оно вошло в XIX в. благодаря представителям синодальной историографии (митрополит Макарий (Булгаков), П.С. Смирнов, Н.И. Ивановский, Н.И. Субботин и др.). Однако в настоящее время в научной литературе принято использовать термины «старообрядцы» или «староверы».

Вызывает недоумение и вольное обращение Пыжикова с такими понятиями, как «Церковь», «согласие», «толк», «иерархия». Если на бытовом уровне можно назвать «никонианами» последователей реформы патриарха Никона, то никак нельзя назвать Церковь, которой он руководил, «никонианской» (с. 629). Такой Церкви никогда не существовало, так же как не существовало рогожской иерархии (с. 612), под которой автор подразумевает, видимо, Белокриницкую (ныне Русская Православная Старообрядческая Церковь). В книге встречаются дословные повторения целых абзацев, что говорит о плохой редакторской работе, вернее, об её отсутствии (с. 115 и 627; с. 133 и 632). Иногда автор противоречит сам себе, забывая написанное ранее. Так, в одном месте он пишет, что староверы придавали большое значение рассмотрению законопроекта о старообрядческих общинах и с особой заинтересованностью ожидали его завершения (с. 496). А в другом месте говорится, будто староверы были безразличны к государственному регулированию их религиозной жизни (с. 610). Общее

впечатление портят отсутствие указателей и пренебрежительное отношение к оформлению сносок. Но несмотря на отмеченные недостатки, книга А.В. Пыжикова достигла своей цели – она вызывает интерес и заставляет размышлять над затронутыми автором вопросами.

Фёдор Селезнев: Старообрядчество как контрэлита³

В современной историографии ощущаются тоска по «большим теориям» и потребность в новой историософской картине периода, предшествовавшего 1917 г. «Грани русского раскола» А.В. Пыжикова – это прежде всего историософия, а потом уже всё остальное. Автор книги исходит из того, что в результате Раскола XVII в. Россия «разделилась внутри себя», и в ней образовалось два социума с различной социальной и культурной идентификацией (с. 628). Однако в XVII в. возникло скорее не два социума, а две элиты (точнее, элита и контрэлита) в одном обществе. Согласно теории В. Парето, контрэлита – это психологический тип социально активных людей, обладающих всеми необходимыми данными, чтобы претендовать на власть, но лишённых такой возможности из-за непроницаемости правящей элиты. Пока пути к власти остаются для таких людей открытыми, контрэлиты не возникает, поскольку отдельные недовольные малочисленны и недостаточно весомы. Но по мере замыкания правящей элиты в себе стремящиеся к власти и оказавшиеся вне её деятели начинают консолидироваться в сплочённую группу, приобретают силу и становятся «контрэлитой». Постепенно она подыскивает себе идеологическую базу, противопоставляя её мировоззрению правящих кругов, и в какой-то момент свергает их власть и устанавливает своё господство.

Старообрядчество формировалось именно как контрэлита, поскольку только социально активные люди уходили «в раскол». До конца XVII в. у старообрядческой контрэлиты имелся шанс поменяться местами с никонианской элитой. Затем старообрядцы стали антиэлитой, т.е. социально активной частью общества, которой нужна не власть как таковая, а независимость от чужой власти. Антиэлита, как и контрэлита, отличается повышенной активностью по сравнению с «массами» («неэлитой»), но при этом она не способна преобразовать свой разрушительный потенциал в созидательный и овладеть властью. Тем не менее её поддержка необходима контрэлите для победы над элитой, и заигрывание противников самодержавия со старообрядцами было отнюдь не случайным. А.В. Пыжиков глубоко и подробно разбирает этот вопрос (с. 72–101), вводя в научный оборот ряд интереснейших архивных материалов из фондов ГА РФ и РГИА. Однако его попытку объяснить стремление революционеров использовать раскол в своих целях врождённой приверженностью староверов к социалистическим идеалам трудно признать удачной.

Здесь едва ли не самое слабое звено концепции автора. Правильно указав, что «староверческий капитализм основан на общинном кредите» (с. 166), Пыжиков затем почему-то превращает его в социализм, утверждая, будто «религиозное течение старообрядчества порождало не капитализм (по аналогии с Европой), а социализм» (с. 185). Но наличие общинного кредита ещё не свидетельствует о том, что старообрядческие общины являлись очагами социализма. Вопрос же о том, насколько они могли распоряжаться собственностью отдельных своих

³ Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00032.